

Н. Н. ЧЕРНОГУБОВ

Н. Ф. Федоров

Кому только не приходилось бывать в каталожной комнате Румянцевского музея, и всякий, вероятно, помнит доброго гения каталожной Николая Федоровича Федорова, его согбенную старческую фигуру в невозможном поношенном пальто, серебряные локны и черные юношеские глаза...

Пришли вы за какую-нибудь часто специальной справкой — и вас сразу удивляют познания Николая Федоровича, умиляют его участие к вашему делу, его рьяные поиски, огорчение при их неудаче... Он спрашивает, советует, зовет к себе в каталожную, где заниматься удобнее... Каталогная всегда полна самым разнообразным народом, и какое изящное со всеми равенство! какая неутомимая деятельность! Николай Федорович никогда не сидит. Он то роется в каталожном отделе, привычным ловким движением вынимая тяжелые ящики, то мелким проворным шагом несет целую грудку книг, одновременно беседует и редко-редко — опять же стоя — читает... Это знали и видели все. Но лишь совсем немногим выпадало счастье такой близости, чтобы хотя приблизительно оценить колоссальный ум и великое сердце Николая Федоровича, его гениальные замыслы и высокую цельную жизнь.

Николая Федоровича всю его долгую жизнь занимал вопрос действительно единой важности, вопрос о жизни и смерти, об отношении разумного существа к слепой силе природы. Если наше рождение есть ускорение смерти наших родителей, то в чем состоит наш долг? Имеем ли мы право, не зная всех условий жизни, признавать смерть безусловною? Признавая себя разумными существами в противоположность слепой силе природы, в каком отношении должны мы находиться к ней? Т. е. мы ей должны подчиняться или она должна быть управляема разумными существами? И Николай Федорович предполагал, что долг сынов — воскрешение отцов, что смерть не безусловна, что всеобщий труд познания обратит слепую смертоносную силу в управляемую разумом и живноносную. К этому-то труду и призывал он сынов человеческих; он

желал объяснить и всех обратить на пользу великому делу и к упорствующим был беспощаден: для его учения свобода личного понимания и истолкования есть свобода на ложь, так же как свобода совести — свобода на рознь.

Учение свое излагал он не отвлеченно, а всегда по поводу какого-нибудь факта, иногда — с обычной точки — совершенно ничтожного. Речь его была необузданно страстной, глаза горели, голос срывался, на присутствующего противника сыпались сарказмы, брань, угрожающие жесты; трясущимися от волнения руками искал он в карманах своего пальто смятые искомканные бумажки, исписанные неровным дрожащим почерком, часто без связи между предложениями, без необходимых частей самих предложений. Соединять эти отрывки предоставлялось друзьям — задача весьма нелегкая¹: Николай Федорович требовал строжайшей точности выражения, а выработанные после больших трудов редакции дополнял рядом новых мыслей, так что небольшая заметка разрасталась иногда в целое сочинение. Лучшей бывала обыкновенно вторая редакция. В последние годы раскрылось стремление к краткой отточенной формулировке, что иногда великолепно удавалось, но в общем — обедняло, иссушало мысль. Печатался сравнительно немного, всегда без подписи, почти исключительно в газетах, и преимущественно провинциальных, где и хоронились эти статьи, незамеченные, непонятые.

Всю свою жизнь Николай Федорович прожил одиноко, по бедным комнатам, питался — буквально — куском хлеба, спал 3–4 часа на голых досках. Работал по ночам при грошовой лампаде, гасшей от духоты...

И дожил до 75 лет в полном обладании духовных и телесных сил. Скончался воспалением легких в Марьинской для бедных больнице — 15-го декабря 1903 г. Погребен на кладбище Скорбященского монастыря².

